

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

Отдел уйгуроведения

Б-103117

1

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО УЙГУРСКОМУ ЯЗЫКУ

I

Издательство «НАУКА»
АЛМА-АТА · 1965

Э. Р. ТЕНИШЕВ

ДОЛАНЫ И ИХ ЯЗЫК

Первые записи по языку долан сделали С. Е. Малов¹ и А. Лекок². Исследования С. Е. Малова опубликованы в 1961 г. в сводной книге по уйгурским диалектам «Уйгурские наречия Синьцзяна». В книге приведены образцы доланской поэзии и их диалектная лексика³. Этим и ограничиваются пока публикации о доланах и их языке.

В начале ноября 1956 г. автор данной статьи побывал у долан. Наблюдения и записи велись в двух районах их расселения — в районе Оват (южнее Аксу), селении Тувэн Долан и в районе Маралвеша (на пути из Аксу в Кашгар), селении Шахкур. Живые и общительные доланы охотно продиктовали нам образцы своего повседневного языка, тексты излюбленных лирических и шуточных песен, мукамов и пр.

Аксуйские доланы называют себя — «доланами тридцати двух тысяч домов» (*отуз ишке миң өйлүк долан*). Происхождение и смысл такого самоназвания никто из них объяснить не мог, но нам удалось записать толкование этнического термина «долан». Толкование буквально следующее: доланы — сборный народ (*тәмә хәлиқ*), кочующий. Лет 200 тому назад Гэззити Ишан дал этому народу имя «долан», что значит «мои превосходные» (*обданлирим*). Такое понимание термина явно произвольно, оно навеяно, безусловно, чувством симпатии к доланам.

¹ С. Е. Малов. Изучение живых турецких наречий Западного Китая. «Восточные записки», том 1, Л., 1927, стр. 167—168.

² A. v. Le Coq. Eine dolanische Wörterliste, 1916.

³ С. Е. Малов. Уйгурские наречия Синьцзяна (тексты, переводы, словарь), М., 1961, стр. 59.

Слово *долан*/*даулан* (как название местности) встречается в исторических сочинениях второй половины XVIII в., но какого-либо разъяснения в них термин не получил⁴. Сами доланы ведут свое происхождение от «семи родов» (*йатте урук*). Если это так, то слово «*долан*» является монгольским эквивалентом уйгурского *йатте* «семь»⁵.

Как известно, «семь поколений» (*dolufan olof xalxa*) или «семь хошунов» (*dolufan xosifun*) фигурируют в происхождении халхасов — основного населения МНР⁶.

В монгольских формах числительного «семь» второй слог состоит из губных *о* или *о*, за исключением письменномонгольского языка (*dolufan*) и торгутского говора (*dolan*)⁷. Форма *dolan* (с *a* во втором слоге) свойственна калмыцкому языку вообще⁸.

Калмыцкие хроники возводят торгутов к кереитам, кочевавшим на древней родине уйгуров и находившихся в тесной связи с ними⁹. Все это дает возможность предполагать, что доланы были потомками монгольских родоплеменных объединений (скорее всего ойратско-калмыцких). К этой мысли склоняются и наши путешественники по Центральной Азии¹⁰.

Доланы населяют разрозненными группами берега р. Тарим, текущей по безводной пустыне Такламакан. Цепочка их поселений тянется от Меркита (около Яркенда) до Корлы. Группа долан живет и далеко на юге — в Хотанском оазисе. Любопытно, что у долан принято делить население на «сотни» (*йүзүлүк*). Каждая сотня имеет свое название (в зависимости от селения): *Кагимуш йүзүлүк* «Кагимушская сотня», *Кумбаш*

⁴ М. А. Салахетдинова. Сочинение Мухаммед-Садыка Кашгари «Тезкира и Ходжаган» как источник по истории киргизов. «Известия АН КиргССР», том I, вып. 1 (история). Фрунзе, 1959, стр. 120, 121; Е е же: Сообщения о киргизах в Хидайат-наме Мир Халь ед-Дика. «Известия АН КиргССР», серия общественных наук, том III, вып. 2. Фрунзе, 1961, стр. 139 (жители Долана).

⁵ С. К. Кенесбаев. «Жети», «уш», «тоғыз», «қырық» пен байланысты ұғымдар. «Известия АН КазССР», серия филологических наук, вып. 4 (29), Алма-Ата, 1946, стр. 9.

⁶ Б. Я. Владимирцов. Где пять халхасских поколений? — *Tabun otor xalxa?* «Доклады АН СССР (В)», Л., 1930, стр. 201.

⁷ Б. Я. Владимирцов. Монгольские литературные языки. «Записки Института Востоковедения АН СССР», Л., 1932, № 1, стр. 6.

⁸ G. J. Ramstedt. *Kalmükisches Wörterbuch*, Helsinki, 1935, p. 94; Г. Д. Санжеев. Грамматика калмыцкого языка, М.—Л., 1940, стр. 59.

⁹ Б. Я. Владимирцов. Монгольские литературные языки, стр. 6.

¹⁰ Н. М. Пржевальский. От Кяхты на истоки Желтой реки (четвертое путешествие в Центральную Азию), СПб., 1888, стр. 434; В. И. Роборовский. Путешествие в Восточный Тянь-Шань и Нань-Шань, М., 1949, стр. 383. Ср. утверждение аксуйцев о том, что доланы произошли от могалов (монголов) (С. Е. Малов. Уйгурские наречия Синьцзяна, стр. 138).

йүзүлүк «Кумбашская сотня», Бешерик йүзүлүк «Бешерикская сотня» и т. д.

Точная численность долан не известна (в Оватском районе их около 4 тыс. человек). Центром всей этнографической группы долан, по их собственному единодушному свидетельству, является Меркит.

В старину, как рассказывали сами доланы, жили они в рубленых из дерева домах с коньковой, а не плоской, как теперь, крышей.

Доланы в Аксу и Маралвеша занимаются земледелием, кроме того разводят домашних животных и птиц. В пище и одежде доланы ничем не отличаются от окружающих уйгуров. Доланы высокого роста, крепкого телосложения, по сравнению с уйгурами они более монголоидны и напоминают лобнорцев.

Доланы большие любители музыки, песен и танцев. На мешребях (вечерах) женщины участвуют наравне с мужчинами. Причем в некоторых районах вечера развлечений организуют только женщины, они же и руководят ими. Все это говорит об относительно большой независимости доланских женщин. Ранее это отмечал уже С. Р. Skrine¹¹. Непременные участники здешних мешребов музыканты, играющие на ребабе и дапах. Под музыку танцуют мужчина с женщиной и женщина с женщиной. Старики в танцах не отстают от молодежи.

В районе Оват движения танцующих пар совершаются по кругу, а в Маралвеша — по квадрату. В перерывах между музыкой играют в «пота-ойун» (игра с кушаком) и в «чини-ойун» (игра с пиалой). При игре в «пота-ойун» кто-либо из участников вечера с кушаком в руках выходит в круг и читает стихи. Ударом кушака он вызывает к себе другого. Оба они медленно поворачиваются. Другой быстро берется за кушак и читает стихи. Затем последний приглашает на круг кого-либо еще и т. д. При игре в «чини-ойун» женщина, держа пиалу, каждой рукой поочередно делает круговые движения, вращая локтями. Затем она передает пиалу мужчине. Тот должен повторить все эти манипуляции. Если он не сможет этого сделать, то присуждается к «штрафу», например, к исполнению «җоҗалдирвақ» — комического танца с хомутом на шее (к хомуту привешаны колокольчики). Название танца «җоҗалдирвақ» — монгольское: *гооц* «надежда» + *алдрах* «ослабевать, пропадать» (ср. *aldara-se perdre, se detacher, se relacher, dechoire* A. Mostaert, Dictionnaire Ordos I. Peking, 1941, p. 14) «пропадать надежде». Монгольское наименование танца подкрепляет мысль о монгольском субстрате долан.

¹¹ С. Р. Skrine, Chinese Central Asia, Boston and New York, 1926, p. 123—124.

Переходим к описанию фонетических и морфологических особенностей языка долан.

Звуковая система

Гласные

передние

и, у

е, ө

э

задние

о

а

у

По составу гласных фонем язык долан совершенно сходен с уйгурскими говорами Аксу и Кашгара и с уйгурским литературным языком. Некоторые частные замечания:

1. Фонема **и** имеет сильно оглушенный вариант **и^{ш12}**: **и^ш** *ки* «два». Этот звук свойствен почти всем уйгурским говорам и литературному языку. У долан встречаются нередко и формы без **и^ш**, с обычным **и**: *икки* «два», *он икки* «двенадцать», *икки-миз* «мы вдвоем».

2. В слабоударном начальном слоге **э** имеет тенденцию к сужению (**э > е > и**): *keldim* «я пришел», *ketkən* «он ушел» — *kilədo* «он придет». В некоторых случаях широкий **э** сохраняется, несмотря на предшествующий **й**: *йətsə* «если достигнет».

3. Регрессивная ассимиляция такой же силы, как в уйгурских говорах Кашгара, Аксу и в уйгурском литературном языке: *ети* «имя его», *сетип* «продав», *мениң* «мой», *неним* «мой хлеб», *билимға* «моей талии», *очуқ* «открытый», *төмүр* «железо». Исключение в ограниченном числе слов: *ати* «его имя», *барип* «идя», *қар йағинту* «снег выпал». В этом отношении язык долан полностью сходен с уйгурским литературным языком и уйгурскими говорами (кроме лобнорского диалекта).

4. Прогрессивная ассимиляция последовательно выдерживается по негубному и губному рядам (для узкого и не первых слогов): *бурутум* «мои усы», *көмүгүнүм* «то, что я не видел», *өлкүмиз* «наш край», *гүлдүлүтүн* «гремя», *күйүдү* «сгорит».

5. Распределение гласных губного ряда во втором слоге — не одинаковое в речи разных групп долан. У аксуйских во втором слоге после начального губного всегда стоит **у, ү**: *өзүң* «ты сам», *көзүң* «твой глаз», *оғул* «сын», *көрүп* «увидя», *қойуп* «положив». У Маралвешийских долан в этом случае

¹² С. Е. Малов. Материалы по уйгурским наречиям Син-дзяна. Сб. «Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности (1882—1932)», Л., 1934, стр. 310.

произносятся негубные **а, э** (как и в уйгурских говорах Кашгара и Яркенда, а также в южном, хотанском, диалекте): *йүзәң* «твое лицо», *күзәң* «твой глаз», *көрәп* «увидев».

6. Широкие **а, э** в безударном положении не подвергаются редукции: *баласи* «ее дитя», *оттурасида* «в середине» — *йарадо* «расколоть», *келәдо* «придет». В этом отношении язык долан расходится с уйгурскими говорами, а также с литературным языком и сближается с лобнорским диалектом, который в традиционной своей части относится к другой классификационной группе, чем уйгурский язык.

7. Форма будущего времени изъявительного наклонения глагола образуется по типу говоров центрального диалекта уйгурского языка (в хотанском диалекте начальные согласные глухие: *-ту//то*)¹³.

8. Первое лицо будущего времени образуется без эпентетического **т**: *бармаймән* «я не пойду», *йаталмимән* «я не смогу лечь». В этом пункте язык долан отходит от хотанского диалекта и приближается к говорам центрального диалекта и литературного уйгурского языка.

Согласные

Состав согласных звуков языка долан такой же, как в народных говорах и в литературном языке уйгуров. Поэтому ограничимся лишь следующими отдельными замечаниями:

1. В конечной позиции выступает звонкий щелевой **ғ**: *тағ* «гора», *бағ* «сад». Одна эта черта уже позволяет относить говор долан к уйгурскому языку.

2. Язык долан роднит с уйгурским и другая черта — конечные глухие **к, қ** (вм. **ғ, г** в аналогичных словах других тюркских языков): *улуқ* «великий», *шундақ* «так», *бундақ//мундақ* «этак».

3. У аксуйских долан ***й > ж**: *уждәк* «как вол», *жумайде* «не моет», *бижит* «стихи», или ***р > ж**: *өй киживли* «заходите в дом», *биж* «один». Такие же соответствия наблюдаются и в говоре уйгуров Аксу:

4. В говоре долан Аксу (как и в говоре уйгуров Аксу) анлаутное **т** не произносится как **ч**: *тишин* «твой зуб», *түштүм* «я спустился». Доланы же Маралвеша, как и уйгуры Кашгара, вместо начального **т** произносят **ч**: *чишләп* «укусив», *чүшүп* «спустился».

5. Маралвешийские доланы начальное **к** перед и заменяют аффрикатой **ч**: *чим?* «кто?». Эта особенность характерна для

¹³ Э. Р. Тенишев. О диалектах уйгурского языка Синьцзяна. Сб. «Тюркологические исследования», М.—Л., 1963, стр. 138, 146.

говора уйгуров Кашгара, к которому территориально ближе всего доланы Маралвеша.

Морфологические особенности

1. Местоимения: *мән* «я», *миниң* (род. п.) «мой», *маңа* (дат. п.) «мне», *саңа* (дат. п.) «тебе», *силу/слә* «вы», *уңа* (дат. п.) «ему», «ей», *мини* (вин. п.) «меня», *сизне* (вин. п.) «вас» — *бизлә* «мы» — *уне* (вин. п.) «его, ее».

2. Относительное прилагательное образуется посредством форманта *-лиқ// -лик* (не *-лы// -ли*, как в западно-тюркских языках): *секкиз йашлиқ* «восьмилетний», *мәзмүлүк* «содержательный», *аталиқ* «отцовский», *аналиқ* «материнский».

3. Настоящее время момента действия сходно с уйгурской формой: *қылаватимиз* «мы делаем (сейчас)».

4. Деепричастие цели имеет формант *-ғли// -ғлу// -ғлу:* *көгли* «чтобы увидеть», *көйдүғли* «чтобы сжечь», *йандуғли* «чтобы вернуть». Так же в литературном уйгурском языке и в говоре Аксу (в Кашгарском говоре *-ғини// -гини*).

5. Форма состояния, свойственная больше хотанскому диалекту, чем говорам центрального диалекта, образуется аффиксами *-ғлук// -ғлук:* *һәр айалла оқуғлук* «все женщины учатся».

Небольшое число приведенных доланских изоглосс дает возможность сделать следующие выводы:

1. Язык долан не является каким-либо самостоятельным языком.

2. Язык долан — это тот же уйгурский язык, на котором говорят уйгуры в Синьцзяне.

3. Отдельные группы долан пользуются тем уйгурским говором, на территории распространения или близ которой они находятся. Доланы Оватского района говорят на говоре уйгуров Аксу¹⁴, доланы Маралвеша — на говоре Кашгара. Какие-либо специфические киргизские элементы в языке долан не обнаруживаются¹⁵.

Для полноты представления, конечно, необходим материал по языку других групп долан, в особенности Меркитских долан, и дополнительные сведения по их этногенезу. Тем не менее, можно высказать наше предположение о происхождении долан. Несколько веков назад некое монгольское (ойратско-калмыцкое) войско, хранящее родовую структуру и поделен-

¹⁴ С. Е. Малов считал эти говоры тождественными (См. С. Е. Малов. Изучение живых турецких наречий Западного Китая, стр. 167—168).

¹⁵ См. С. Е. Малов. Уйгурские наречия Синьцзяна, стр. 4; С. М. Абрамзон. Киргизы КНР. «Известия АН КиргССР», серия общественных наук, том III, вып. 2, Фрунзе, 1961, стр. 122.

ное, на сотни, поселилось на плодородных берегах Тарима. Оторванные от родной этнической стихии монгольские воины постепенно втянулись в уйгурскую среду и полностью усвоили культуру и язык тюрков-уйгуров.

Для полноты представления читателей о доланах и их языке приведем тексты нескольких доланских народных песен, записанных нами.

1. Бешик бейити

(Садет Хеним, 30 л., уроженка с. Туванки Долан, занимается земледелием. Записано 5 ноября 1956 г.)

Мениң балам недедо?
Бала билән бағдидо.
Бағни бахсам — бағди йоқ.
Тағни бахсам — тағди йоқ.
Аллай, балай, бешйоқ (<бешик йоқ)
Айтай дисам, лати йоқ.
Лати дигән өзүздә,
Чикай дисам, шути йоқ.
Шути дигән тирәхтә.
Кисәй дисәм, палти йоқ.
Палти дигән төмүрчидә,
Алай дисам, пули йоқ.
Пул дигән сандухта.
Ачай дисам, ачқыч йоқ.

Колыбельная

Где мой ребенок?
С детьми, наверное, в саду.
Посмотрела в саду — в саду нет.
Посмотрела в горах — в горах нет.
Аллай, балай, колыбели нет.
Почему — пеленок (досл. тряпок) нет,
Пеленки на крыше.
Подняться (туда) — лестницы нет.
Лестница — на дереве.
Срубить — топора нет.
Топор — у кузнеца.
Купить (его) — денег нет.
Деньги — в сундуке.
Открыть (его) — ключа нет.

2. Ойлиниң оттурасида

Ойлиниң оттурасида
Тоғрақ үнүпто толғимач.

Учиға чаң түзүпто
аливойниға қалиғач.

Қалиғачни қара дейдо,
тум қара, бағри ала.
Моридин чиққан түтүндәк
йаримниң көңли қара.

Ишихтин чиқириду бешини,
Көзүтүдү қалам қешини.
Үзи қара, көңли қара,
Билмейдикән адашини.

Посреди двора

Посреди двора
растет извилистый осоколь.
Вершина его покрыта пылью,
а на пестрых ветвях (досл. шее) — ласточки,

Ласточки — черные,
очень черные, а грудь — пестрая.
Как дым, выходящий из трубы,
черна душа моей подруги.

Просунет в двери голову,
покажет свои изящные брови.
Лицо ее черно, душа черна,
не знает своего милого.

3. Алдим доланниң қизини¹⁶

(Аблиз Имам-Нияз, 67 лет, уроженец С. Элем Кудукле (Кәлпин мәлле, настух. Записано 3 ноября 1956 г. в с. Тувәнки Долан).

Алдим доланниң қизини,
айда жумайде үзене.
«Қоп, үзеңне жу!» дисәм,
үждәк алайтте күзини.

¹⁶ Ср. G. Jarring, Materials to the knowledge of a Eastern Turki... I Texts from Khotan and Jarkand, Lund (Lunds Universitets Arsskrift, N. F. Avd. 1. bd. 43 № 4) p. 134, № 6; «Сборник уйгурской словесности», М., 1925, стр. 90.

(ئۇيغۇر ئەل ئەدەبىياتى. تۇپلىغۇچىلار: ل. ئەنسەرى، ز. بەشىرى
ھەم ئ. قۇدايقۇل)

Женился я на доланской девушке

Женился я на доланской девушке,
ни разу в месяц не умывается она.
«Встань, умойся!» — коль я скажу,
она, как вол, поводит своими глазами.

4. Таққа чихсам

(Осман Муса, 30 лет, уроженец с. Дөң мәлле (около с. Шахкур, Маралвеш), занимается земледелием. Записано 8 ноября 1956 г. в с. Шахкур).

*Такка чихсам, тар икән,
Живжык баласы бар икән.
Алты ай зынданда йассам,
Йағы мейлим бар икән.*

*Қашиң қара му, қундуз му?
Көзүң отлуқ му, жулдуз му?
Жамалиңни көрәп бахсам,
Сәрдә тозыған гүл му?*

*Сәрдә тозыған гүлне
чимәнниң ашқи дәңлә,
Миниң бичари йаримне
қизил гүл ғунчиси дәңлә.*

*Қизил гүл ғунчиси
Жиплап сақладоқ,
менмән дегән йалиға
қалап бақмадоқ.
Қалысақ мо қалыдоқ
сүйгә иһтийа сахладоқ.*

В горы поднимусь

В горы поднимусь — (там) узко (ущелья).
Птенец воробья (там) живет.
Пусть полгода проведу в тюрьме,
склонность к милой не изменится.

Черны ли брови твои, (как шерсть) бобра ли?
Пламенны ли очи твои, (ярки как) звезды ли?
Посмотрю на твою красоту
— разве (ты) не (подобна) розам, рассыпанным
в селении.

Розы, рассыпанные в селении,
называйте любовью луга.
Мою несчастную любимую
называйте бутоном красной розы.

Бутоны красной розы
мы бережно храним,
на горделивых красавиц
мы и не взглянули.
Если уж и смотрели,
(то) к вам влечение сохранили¹⁷.

¹⁷ В с. Тигермень Уйгурского района Алма-Атинской области Казахской ССР живет небольшая группа долан, материалы о которых собраны уйгурской комплексной экспедицией отдела уйгуроведения АН КазССР в 1964 г.

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

Отдел уйгуроведения

Б-103117

2

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО УЙГУРСКОМУ ЯЗЫКУ

2

Издательство «НАУКА» Казахской ССР
АЛМА-АТА · 1970

МЕСТО САЛАРСКОГО И САРЫГ ЮГУРСКОГО ЯЗЫКОВ В СИСТЕМЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

В отношении места саларского и сарыг югурского в системе других тюркских языков ученые не имеют единого мнения. Это объясняется малой изученностью данных языков, небольшим количеством материала по ним. Языки саларов и сарыг югуров являются территориально близкими с уйгурским, количественно уйгуры превосходят сарыг югуров и саларов. Авторы новейшей классификации тюркских языков И. Бенцинг и К. Г. Менгес сарыг югурский, саларский и уйгурский относят к ветви языков Центральной и Юго-Западной Азии и считают сарыг югурский и саларский близкими (as very close) «новоуйгурским диалектам»¹.

О. Прицак делит уйгурские диалекты на собственные (eigentlichen) и изолированные (isoliert stehenden). В последнюю группу выделены саларский и сарыг югурский языки².

К. Томсен считает их языками, тесно связанными между собой, независимыми от уйгурского, но имеющими с ним ближайшие родственные связи³. Н. А. Баскаков эти языки по общим признакам относит к группе ганьсуйских диалектов уйгурского языка⁴.

Мнение о том, что саларский и сарыг югурский языки относятся к уйгурскому, является традиционным и восходит к А. Н. Самойловичу, который в своей классификации выделил их в северо-восточную группу⁵. Авторитет ученого, четкая система классификации способствовали популяризации этой точки зрения.

¹ J. Benzing and K. H. Menges. Classification of the turkic languages. «Philologiae turcicae fundamenta», I. Wiesbaden, 1959, s. 6.

² O. Pritsak. Das Neuuirgische. «Philologiae turcicae fundamenta», s. 528—530.

³ K. Thomsen. Die Sprache der Gelben Uiguren und das Salarsche. «Philologiae turcicae fundamenta», s. 565—567.

⁴ Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, стр. 183.

⁵ А. Самойлович. Некоторые дополнения к классификации тюркских языков. Пг., 1922, стр. 8—9.

Но дело в том, что А. Н. Самойлович, большой знаток новых и древних тюркских языков, саларским и сарыг югурским языками никогда не занимался. Поэтому, естественно, он не мог устранить и те неточности, вкравшиеся в его систему. Это сделал С. Е. Малов, который был среди сарыг югуров и саларов, записал большой материал и прекрасно знал их языки. В 1927 г. в статье, посвященной истории изучения тюркских языков Западного Китая, С. Е. Малов писал: «...не только теперь, но и раньше следовало считать совершенно неверным зачисление проф. А. Н. Самойловичем саларского наречия в уйгурскую (северо-восточную) группу. По-моему, это наречие следует отнести (с некоторыми оговорками) к кыпчакско-туркменской (средней) группе»⁶.

С. Е. Малов с полным основанием считал язык сарыг югуров «восточным тюркским языком, одним из самых древнейших», «исторической стадией киргизского языка», языком, который следует выделить из общего компактного состава уйгурских языков⁷. Сарыг югурский и саларский в классификации тюркских языков С. Е. Малова занимают положение самостоятельных языков⁸.

Анализ взаимоотношений этих языков уместно начать с сопоставления истории развития языков лобнорцев и уйгуров, с изучения их взаимоотношений.

Лобнорцы — осколок киргизских племен, которые освоили район озера Лобнор в XV—XVI вв.⁹ Язык, которым они пользуются, близок киргизскому, но древнее его¹⁰. Лобнорский, как и уйгурский, относится к группе *j*-языков (*ajaq* — нога, *qoj!* — положи!). В нем действует губная гармония гласных, которая по силе превышает лабиальную гармонию в киргизском и алтайском языках: после губных гласных лабиализуются не только узкие, но и широкие гласные. Очень развиты ассимилятивные переходы согласных. По разнообразию этих чередований лобнорский язык не имеет себе равных среди тюркских языков. В области морфологии есть свои особенности: единый показатель для родительного и винительного падежей (*-пу* с вариантами), особая форма желательного наклонения (с афф. *-alivis*) и будущего времени

⁶ С. Е. Малов. Изучение живых турецких наречий Западного Китая. «Восточные записки», т. I. Л., 1927, стр. 171.

⁷ С. Е. Малов. Язык желтых уйгуров. Словарь и грамматика. Алма-Ата, 1957, стр. 7.

⁸ С. Е. Малов. Древние и новые языки. «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», т. XI, 1952, вып. 2. М., стр. 142.

⁹ Э. Р. Тенишев. Еще раз о происхождении лобнорцев. М., 1964, стр. 8.

¹⁰ С. Е. Малов. Лобнорский язык. Тексты, переводы, словарь. Фрунзе, 1956, стр. 5; Э. Тенишев. О языке кыргызов уезда Фу Юй (КНР). «Вопросы языкознания», 1966, № 1. М., стр. 88—96.

изъявительного наклонения (*-adi-* с вариантами). Лингвистически — это самостоятельный язык тюркской системы, неповторимый в своей индивидуальности.

В течение трех-четырех столетий лобнорцы живут вместе с численно превосходящими их уйгурами, что наложило определенный отпечаток на их язык, который является сейчас одним из диалектов уйгурского языка¹¹. На этом диалекте говорят все лобнорцы; консервативной же частью диалекта (собственно лобнорским языком) пользуются только люди старшего поколения.

Язык сарыг югуров по отношению к уйгурскому языку находится в совершенно ином положении. В IX—X вв. после разгрома уйгурского каганата кыргызами уйгуры поселились в районе Турфана (современный Синьцзян) и в Ганьсу. Язык ганьсуйских уйгуров был предком сарыг югурского языка, относящегося по классификации к z-группе тюркских языков (*azaq* — нога в.м. *ajaq*; *qoz!* — положи! в.м. *qoj*). Система сарыг югурских согласных состоит из двух подсистем: слабых (*b, d, g, γ*) и аспирированных сильных глухих (*p, t, k, q*).

Категория принадлежности первых двух лиц имеет показатель *-η* (*mlaη* — мой ребенок, твой ребенок), для третьего лица *-sy* (*-y*) (*mlasy* — его, ее, их ребенок; *göŋly* — его, ее, их сердца). Сохранилась старая система счета (в числительных с 11 до 29), встречающаяся теперь только в древнетюркских памятниках: *üş o'tys* — 23 в.м. *jigirmi üš*.

Во временных формах глагола исчезло изменение по лицам и числам. Сарыг югурскому языку свойственны следующие формы времен: с афф. *-yaq||-kek* (*men satyaq* — я продаю [регулярно]); с афф. *-o'te* (*men kelo'te* — я приходил [давно]); с афф. *-yüş||-geš* (*men maŋyüş* — я пойду [сейчас]). В лингвистическом отношении сарыг югурский является самостоятельным языком.

Возможно, язык турфанских уйгуров в X в. и после был близок языку уйгуров Ганьсу или сарыг югуров. С VIII в. на территорию Турфана и Восточного Туркестана начали переселяться западные тюркские племена, родственные по языку современным узбекам. В связи с этим К. К. Юдахин высказал мысль о том, что этническая подоснова современных уйгуров и узбеков общая, но жили эти народности в этнически разных средах, отсюда различие в уйгурском и узбекском языках¹².

¹¹ Э. Р. Тенишев. О диалектах уйгурского языка Синьцзяна. «Тюркологические исследования». М. — Л., 1963, стр. 147—150.

¹² К. К. Юдахин. Уйгурско-узбекские языковые связи. «Известия АН КазССР, серия уйгуро-дунганской культуры», 1950, вып. 1.

Можно предположить, что к XV в. язык (языки?) западных тюрок распространился по всему Восточному Туркестану¹³, растворив в себе язык древних уйгуров, сильнее всего проявившийся в южном диалекте современного уйгурского языка¹⁴.

Таким образом, у уйгуров Синьцзяна образовался новый j-язык, а у сарыг югуров Ганьсу остался прежний z-язык.

Уйгуры и сарыг югуры, занимая разные территории, удаленные друг от друга, не имели ничего общего в экономической и культурной жизни. Естественно поэтому, что язык сарыг югуров сохранил полностью свою самостоятельность и не является диалектом уйгурского языка. В классификации А. Н. Самойловича он входит в северо-восточную группу¹⁵, в классификации Н. А. Баскакова — в хакасскую подгруппу уйгурской группы¹⁶.

Саларский язык, как и современный уйгурский, принадлежит к j-языкам (*ajaq* — нога и *qoj!* — положи!).

Система саларских согласных состоит из слабых (b, d, g, γ) и сильных глухих придыхательных (p, t, k, q).

В категории принадлежности сохранились показатели для трех лиц, но утратилось различие в числе (*patam* — мой ребенок и наш ребенок). Падежные окончания родительного падежа совпали с винительным (афф. -ny||-ni), в дательном падеже соединились два ряда показателей: южный (или огузский) тип -a||-e (*oje* — к дому) и северный (или кыпчакский) тип -ya||-ge (*anaya* — девушке). В глагольных формах времени исчезли показатели лиц и чисел.

Настоящее время образуется посредством афф. -por < <деепр. -p + jor- (ходить), который свойствен и огузским языкам (турецкому, туркменскому, азербайджанскому). Одна из форм прошедшего времени имеет zi(<di) и -miš (встречается только в огузских языках), другая — афф. -yan (характерный для кыпчакских языков). Грамматическая структура саларского языка представляет собой сплав южной и северной систем. То же самое происходит и с лексикой, объединившей в себе особенности огузского и кыпчакского языков.

Исторические легенды и сохранившиеся памятники саларов дают возможность выяснить их происхождение.

Салары являются потомками одного из известных в исто-

¹³ С. Е. Малов. Мир Алишер Навои в истории тюркских литератур и языков Средней и Центральной Азии. «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. VI, 1947, вып. 6. М. — Л., стр. 478.

¹⁴ Э. Р. Тенишев. О диалектах уйгурского языка Синьцзяна, стр. 145—147.

¹⁵ А. Н. Самойлович. Указ. работа, стр. 8.

¹⁶ Н. А. Баскаков. Указ. работа, стр. 185.

рии огузских племен, родственных туркменским салырам. В конце XIV в., покинув в Средней Азии кыпчакское окружение, они двинулись на восток через Восточный Туркестан и поселились на берегах реки Хуанхэ, где жили китайцы, тибетцы и монголы. Весь этот период салары жили изолированно от уйгуров, между ними не было продолжительного контакта. Хотя основа культуры у тех и других общая, мусульманская, но в народных обычаях есть заметные различия.

Таким образом, саларский язык в полной мере сохранил свою независимость, поэтому его следует отнести к огузо-кыпчакской ветви средней группы¹⁷.

Итак, саларский и сарыг югурский языки — лингвистически самостоятельные языки тюркской системы. Нельзя не заметить, что они обладают рядом общих черт в фонетике и морфологии, свойственных только им: система слабых и сильных глухих согласных, неполная парадигма категории принадлежности, отсутствие показателей лица и числа в парадигме временных форм, обилие китайских, тибетских и монгольских слов в лексике. Это сходство объясняется нивелирующим влиянием одних и тех же неродственных языков (китайского, тибетского, монгольских).

Саларский и сарыг югурский языки — хороший материал для изучения прежде всего типологически наиболее близких между собой групп тюркских языков. Сарыг югурский можно привлекать при исследовании группы z-языков: хакасского, шорского, чулымско-тюркского; саларский — при исследовании группы южных j-языков: туркменского, турецкого, азербайджанского, крымско-татарского и гагаузского.

Изучение обоих языков может иметь большое значение и при широких сравнительно-исторических исследованиях — этимологических изысканиях, реконструкции общетюркского консонантизма, именной и глагольной парадигмы.

¹⁷ Э. Тен и ш е в. Саларский язык. М., 1963, стр. 47—48.